

Михаил ГЕНИН: «Орошая пустыни, сохраняйте миражи»

К 90-летию со дня рождения писателя-сатирика

Михаил Генин (1927 – 2003) – писатель-сатирик, лауреат премии «Золотой теленок» «Литературной газеты», начал публиковать свои изречения с 1964 года в сатирическом журнале «Крокодил», с 1970 в «Московском комсомольце» и «Литературной газете», где стал одним из постоянных авторов «Клуба 12 стульев».

Он рано осыпался. Его домом на долгие годы становится Московская военно-музыкальная школа. Во время войны он пытается убежать на фронт, но еголовят и возвращают. Он остается жив. После войны он оканчивает музыкальное училище им. Гнесиных по классу ударных инструментов.

Внезапно он решает изучать философию. Но так как при Сталине философия была в

некотором смысле цирком, после успешного окончания университета он скрывается от коммунистической идеологии среди клоунов, акробатов и животных, которых он сопровождает на барабанах в Московском цирке. Тут-то он и начинает писать юмористические, философские и сатирические афоризмы и издавать их в газетах и журналах. Но поскольку опубликовать по-настоящему глубокие и сатирические мысли невозможно, он начинает читать их с эстрады. Выступая по всей стране от Бреста до Сибири, он завоевывает себе известность – первый автор, отваживающийся на протяжении двух часов читать публике со сцены собственные короткие изречения. Его не только публикуют в газетах и журналах, но и начинают приглашать

на радио- и телевизионные передачи – такие, как «Вокруг смеха» и «Аншлаг».

В начале 80-х в ГДР переводят на немецкий самые безобидные из его афоризмов. В 1983 году они выходят в сборнике афоризмов советских авторов «Samowahrheiten», выпущенном издательством Уленшпигель. Но полностью его «Невечные мысли» издаются отдельной книгой в Москве только в 1993 году.

В различные сборники мудрых мыслей постоянно включаются изречения М. Генина. В «Антологии афоризмов мировой литературы» (Reclam Bibliothek, 2009) его имя стоит наряду с именами Бекона, Паскаля, Свифта, Лихтенберга, Гёте, Шлегеля, Шопенгауэра, Твена, Ницше, Уайльда, Шоу, Гофманстадля, Кафки. Многие

из его высказываний так часто цитировались, что превратились в поговорки.

Смешные и гротескные, часто мрачные и горькие, но всегда ясные и лаконичные, его Невечные мысли отображают правдиво и без прикрас абсурдную эпоху застоя, эпоху упорного сопротивления мыслящего человека промыванию мозгов, эпоху подлинно глубокого юмора как стратегии выживания...

Книгу Михаила Генина

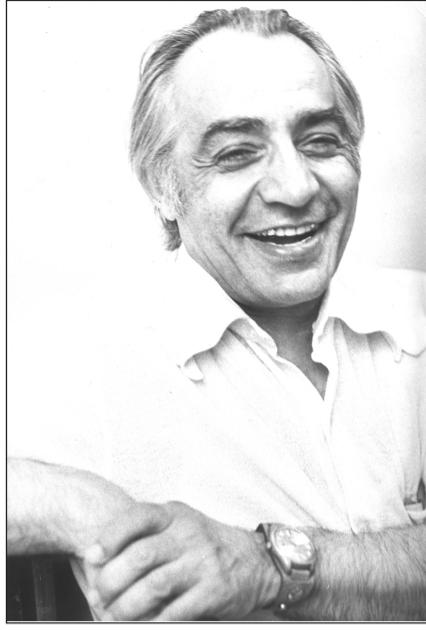
«Невечные мысли»

можно заказать по адресу:

info@spektrum-ru.de

Тел.: 0152/0170 29 20

Фотографии из семейного архива

Михаил Генин рассказывает

Как я бегал спасать страну

Мне было четырнадцать лет. Я служил воспитанником в оркестре семисот пятой авиабазы при НИИ BBC Красной армии. Это был научно-исследовательский институт, где испытывали самолёты, которых потом шли на фронт.

И вот, шёл я как-то из столовой в землянку и вдруг слышу: «Миши! Я обернулся и увидел, что один из моих товарищей показывает, чтобы я к нему подошёл. Это был Витя Амурский. Он попросил отойти с ним в лесочек. «Что случилось?» – спрашивала. «Дай, – говорит, – слово, что никому не расскажешь!» «Ты говори, – отвечал, – а то я не пойму, о чём молчать-то!» «Нет, ты слово дай!!!» «Ну ладно...» «Ни-ко-му!!!» – шепчет, а сам по сторонам озирается, как заговорщик. «Да ладно, – говорю, – о чём речь-то?» Тут Витя совсем на сип перешёл: «Хочешь на фронт убежать?»

Я хотел на фронт, тем более, что моего друга Лёшу Скрябина забрали. И, хотя мне было четырнадцать лет, я сказал: «Хочу!» «Тогда, – говорит Витя, – давай готовиться к побегу!» – «А что для этого надо?» – «Для этого надо сахар копить! Нам дают по два кусочка сахара к завтраку. Будем их откладывать. Из хлеба нужно делать сухари, и если консервы дадут, сгущёнку например, мы её пропричём».

Стали мы готовиться, а через некоторое время подумали, что вдвоём не очень хорошо бежать – давай третьего кого-нибудь сковорим!

У нас был такой трубач Ваня Семиков – очень весёлый белобрысый парень, чудное лицо у него было... Мы его «обрадовали», и он сказал: «Я с вами еду!»

Никогда не забуду день побега! Интересно, что хотя наш дирижёр, майор Шедров, меня страшно не любил (весь гарнизон приходил смотреть, как я его пародирую), но когда большую группу воспитанников отправили на фронт, Шедров меня вызвал и сказал: «Хотя вы, товарищ Генин, очень недисциплинированы, я вас считаю самым серьёзным из оставшихся и назначаю старшиной». И я к тому времени был старшиной двадцати воспитанников. И этих воспитанников я водил каждый день строем в школу – через весь гарнизон, потом через железнодорожную ветку и через лесок.

В день побега я их выстроил. Семиков и Амурский шли в самом конце строя. И вот идём мы – я командую: «Весёлее!!!» Все весело идут через железнодорожные пути, а мы отстали. Я командую – «Не оборачиваться! В школу, шагом марш!!!» И они ушли, а мы тут остались. Весь провинт у нас был с собой. Мы его взяли в ранцы вместо учебников. Что дальше делать?.. Решили мы сесть на товарный поезд. (Это была станция Кольцово Арамильского района Свердловской области.)

Мы полдня ждали, когда остановится то-

варняк. Вскочили в какой-то вагон и немного проехали в нём. На следующей остановке соскочили и стали ждать другой поезд. Впрыгнули в него. Стали ходить по вагонам и искать, где можно остановиться. Нашли теплушку, где ехал какой-то старшина. Лицо его нам показалось хорошим... «Вы куда едете?» – спрашиваем. «Это, – говорит, – не ваше дело – это военная тайна». Тогда мы попросили взять нас с собой. Посмотрел он на нас и согласился. Вскоре стало ясно, что мы ему нужны как помощники для ухода за коровами, которых везли в нескольких вагонах этого поезда. Когда мы проезжали Дмитров, оказалось, что там живёт Ванина мама, и Ванька, как мы его ни уговаривали ехать с нами дальше, решил остановиться там.

И поехали мы дальше вдвоём. Ехали несколько дней. На день старшина давал нам по пол-литра молока и кусок чёрствого хлеба. А вкалывали мы... Вот остановится поезд – надо было принести воды коровам, а особенно много пил бык Моряк, которого старшина звал «Могяк», так как «р» не выговаривал. Это был любимец старшины. А мы с Витей ненавидели его лютой ненавистью, потому что у него всегда было трудно убирать. Водокачки нередко находились в полукилометре от мест остановки поезда. А главное – поезд, к примеру, останавливается на пятом пути, и надо было проползать под вагонами четырёх составов. Нам повезло, что мы не были раздавлены поездами, которые в любой момент могли тронуться... Жили мы отдельно от старшины – в одном вагоне с коровами. Первое время это была половина вагона с Моряком. Холод был жуткий, и мы зарывались в сено. Как-то ночью бык отвяпался, и я проснулся от прикосновения к моей руке шершавого языка...

В Смоленске у меня случился голодный обморок. Старшина испугался и обещал, что будет кормить нас. Однако ничего не изменилось. На рынке мы обменяли одну лишнюю гимнастёрку на какую-то еду. А дальше-то что делать?! Оголодали мы предельно. Тут Витя осенило: он решил, что в вагонах, находившихся за вагонами с коровами, везут еду. Мы подошли к тем вагонам – а на них пломбы. Не долго думая мы сорвали одну пломбу, а открыть дверь никак не можем. В конце концов умудрились заплыть через окно. Тут поезд тронулся. Мы начали шуривать в полной темноте. Нашлись в вагоне только пакеты с лекарствами. Тут поезд остановился на полустанке, и мы услышали, как двое мужчин идут по обеим сторонам путей и проверяют пломбы... ну, думаем – конец. По военному времени за такие дела расстрелять могли. Мы затаились. Слышим, как переговариваются эти

Миша Генин – воспитанник военно-музыкальной школы, 1940-е гг.

двою. Как нас не обнаружили – это чудо. Обходчик заметил, что с пломбой что-то не в порядке (Витя как-то прилипил пломбу на место, но следы нашей деятельности были очевидны). «Что-то не нравится мне эта пломба, – сказал обходчик, – давай-ка сообщим на следующую станцию, пусть они там получше проверят». На следующей станции мы быстро вылезли из окошка и сели в свой вагон.

Встречи по пути бывали очень интересные. Принесли мы как-то воды и остались

прогуляться вдоль поезда, пока он не тронется.

Приходит другой состав: в двух или

трёх вагонах ехали девушки – ученицы десятого класса. Как они говорили, ехали они медицинскими сёстрами в дивизию Сталина. Одна из девушек мне сказала: «Но хочется умирать в таком возрасте!» И в двух вагонах ехали зеки из Грузии, которых освободили из штрафбатов и везли на фронт.

Проехали Смоленск, и вдруг старшина говорит: «Всё, дальше я вас не везу!» А дальше уже фронт. Мы возражаем: «Но ты же обещал!» «Нет, убирайтесь, а не то патрулю вас сдам!..» Нам пришлось сойти с поезда. На платформе нас поймали и заявили, что мы шпионы. А надо сказать, что в подобных ситуациях Витя был незаменим: в любой момент он как будто нажимал кнопку, и слёзы у него лились сами. «Дяденька, дяденька!!!» – прчитает, а слёзы – ручьём. Как-то он спросил меня: «А ты что не плачешь?» «Да не могу» – отвечаю. «Что ж, – говорит, – я и за тебя плакать должен!» И давай меня учить, как плакать. Вот стоим, я что-то гундосю, а он плачет по-настоящему. И вот нас берёт патруль и ведёт на железнодорожную станцию. Там сидел лейтенант – дежурный по станции. Вот такая пушка у него была – парабеллум. И он кричал: «Признаетесь!!! Вы шпионы!!! Кто вас забросил?! Почему вы одеты в форму? Если не признаетесь, расстреляю к чёртовой матери!!!» Форма у нас была, но не было документов. Короче говоря, приставил он к нам часового. Я не могу сейчас вспомнить, что сделал Витя

и не может быть стар его и мой друг Павел Хмара.

(Впрочем, и никогда позже стар он не был).

Ч.: Не может быть стар?

Л.: Такая порода. Но это общее место.

Сказать точнее, госпожа психолог, не

может быть ТОЛЬКО стар. Я думал об этом:

Все концы дорога далека,

но в зрелые черты сумей взглянуть –

и различишь прекрасного младенца.

Сморгнёшь – и угадаешь старика...

И возраста у человека нет. Я это видел в ясные минуты посередине той тяжёлой смуты,

что мы зовём вершиной наших лет.

и так далее. Всеми возрастами на-

длены эти красивые люди. Хмара –

бывший лётчик-испытатель, потом по-

тут. «Встать! Суд идёт! – орал я, – расскажите, почему вы убежали!» Витя отвечает: «Во-первых, мы хотели воевать, а во-вторых, нам было очень плохо в оркестре. Я спрашиваю: «Как, плохо! Почему плохо?»

«Потому что дирижёр, майор Шедров, издавался над нами...»

Тут майор как выскочит из кабинета!

«Это ложь!!!»

А Витя продолжает: «Он нас довёл до того, что у него никто не хочет служить! Поэтому мы и бежали.»

Майор понял, на какие тексты мы способны и отменил суд. После этого от нас быстро избавились – отправили на гражданку.

Я ведь бросил школу после шестого класса. После изгнания из части я два месяца простоял и сказал тёте: «Больше я жить у вас не могу». И поступил в оркестр – теперь уже как школьник. С грехом пополам окончил десять классов уже в той школе, где училась Лёка.*

В кавалерии

Я на лошади никогда не ездил. Хоть я и был кавалеристом, но я был кавалеристом заочно. Только оказался в шестьдесят втором году на гастролях с цирком в Монголии, я впервые сел на монгольскую маленьку лошадь, которая от горшка два вершка, и меня пять человек держали. Меня – пять человек, и лошадь – ещё пять человек, чтобы она не убежала. Фотография такая есть, как я сижу на лошади. А здесь – в военном оркестре – вдруг пришёл приказ: раз в неделю оркестр должен проезжать по Москве на лошадях – поднимать дух москвичей. Представляешь, я на тарелках... Я должен за гравюру держаться! Я сказал, что не могу. «Ничего, – говорит майор Калужский, – все поедут, и ты поедешь!» – «Нет, не поеду!» – «Нет, поедешь!» – «Да я грохнулся с лошади!»

Мне повезло: в первый раз оркестр выехал на ипподром около манежа в день моего дежурства, и я смотрел на это в окно. Все офицеры высыпали на улицу, чтобы увидеть, как оркестр будет играть, сидя на лошадях. Дирижёр командует: «Взяли фа мајор!» Оркестр задул трезвучие. Тут лошади как шарахнулись! А у музыкантов в руках инструменты. Мой друг Коля Князев полетел в одну сторону, а его туба – в другую... Офицеры ржали пуще лошадей. Уж после этого я себе твёрдо сказал, что на лошадь не полезу.

И выход нашёлся. К тому времени я уже кончил десять классов, и Калужский мне сказал: «Ты будешь проводить политзанятия». Я согласился и проводил политзанятия вместо того, чтобы ездить на лошади. Я точно знал: меня ни одна лошадь не выдержит! И я её не выдерну. Так я и не ездили. Ни разу.

Публикация Наталии Гениной. Расшифровал аудиозапись Андрей Рево

* Лёка – одноклассница М.Генина, ставшая позже его женой, с которой он прожил всю жизнь.

тоянный редактор Клуба «12 стульев» в «Литературке», пародист, лижённый зубоскальства и ядовитости, чем страдал знаменитый Александр Иванов.

Генин – музыкант, точнее, лабух – барабанщик в цирке, и если уж человека разукрасить – а теперь это можно – то это друг Никилина, Окуджавы, Гердта... Ч.: ...Вольтера и Ларошфуко.

Л.: Совершенно справедливо! Вы забыли Шекспира.

Рука руку moet, потому что ногой это делать неудобно. Чем не Шекспир с его физиологической картинностью и простотой почти недосягаемой!

Ч.: Ага! Чтобы не понимать Шекспира, надо быть Толстым!

Л.: Вы смотрите, что Генин делает с банальностями!

Ч.: Он уже внушил мне уважение: его заумности весьма умны. Тут мне кажется: классик Толстой отвергает модерниста Шекспира...

Как не восхищаться человеком, рассматривая его в зеркале!

Л.: Как у Шекспира плачет строчка!
При тёмном потрясённом зале
как свищет СЛОВО-ОДИНОЧКА,
выделявая сальто-мортале!
Потеха взрослого дитяти...
ну и так далее.

Ч.: А далее?

Потом нашло, потом вцепилось
и вечной тенью увязалось:
ВОЗЛЮБЛЕННАЯ УТОПИЛАСЬ
ПОКУДА СЛОВО КУВЫРКАЛОСЬ.

И он вернулся, всё утратив,
назад, пособник и виновник,
и проклял 40 тысяч братьев
один несбывшийся любовник!

THE REST IS SILENCE*. Той немоты

* The rest is silence – зе рэст из сайлэнс (англ.) – покой это тишина.

не одолел и не пытался,
и, представляя анекдоты,
не плакал впредь и не смеялся.

Л.: Но пожалуйста! Побольше Генина!

Ч.: Если человек глуп, у него обязательно должны быть и другие симпатичные качества.

Если существуют домашние хозяинки, значит где-то должны быть и дикие.

Если ты без царя в голове, это еще не значит, что ты демократ.

Если в тебе спит художник, твой долг – охранять его сон.

Нашел свое место в жизни – жди, когда оно освободится. («жди» – ха-ха)

Не давай дураку мудрых советов: он может ими воспользоваться.

Прежде, чем что-то сказать, сначала подумай, а потом уж молчи.

Л.: Постойте, постойте! Вы, кажется, делаете какие-то разработки, даёте ка-

кие-то психологические рекомендации бизнесменам и политикам, что одно и то же. Очень тогда к месту РЕКОМЕНДАЦИЯ Михаила Генина: перефразирую: **Не давай проходящему верных советов.**

Ч.: А сам Генин даёт: на обложке написано: **Не сиди дома! Выходи в люди!** Ещё: **Хорошую мысль не жалко и по миру пустить.**

Не подличай по мелочам, если чувствуешь, что способен на большее.

Л.: Михаил Михайлович, Мишенька, ты плохой социолог. Большой подлец не может быть мелким негодяем! Большая ПОДЛОСТЬ – это королева в свите мелких негодяйств. Она выросла из них, а потом уж старается приобрести, по Пушкину, ОСАНКУ БЛАГОРОДСТВА. Я натыкался на такую осанку не раз.

Ч.: **Зачем изобретать вечный двигатель, если ты не знаешь, как его остановить.**

Когда вы узнаете его поближе, вы будете держаться от него подальше.

О чём говорить с человеком, с кем-тоным не о чём помолчать?

Л.: Прекрасно. Закончим улыбкой. **Ороша пустыни, сохраняйте миражи.**

Ч.: Ничего себе улыбка!

Л.: **Как много мы еще не сделали! А сколько нам предстоит еще не сделать!**

Что отдал людям – твоё, что оставил себе – они возьмут сами.

Ч.: Встречаются люди, с которыми хотелось бы разделить все, что они имеют.

Л.: Генины живут в Мюнхене. Сын Владимир музыкант, дочь Наталья и муж её Андрей – русские поэты, делающие много для русской культуры в немецком углу, том, который всегда и везде «пятый».

Михаил Генин недавно умер.

Не себе ли написана этим мудрым человеком ЭПИТАФИЯ:
ЗДЕСЬ ЛЕЖИТ ТОТ,
КТО ДОЛЖЕН БЫЛ БЫ СИДЕТЬ.

Воистину так. Назовём его НЕДОСИДЕНТОМ. Ибо советское диссидентство кроме пыли содержало ПОЧВУ. И оно в силу этого продолжается в наше непростое время. А с ЭПИТЕТОМ нам всегда помогают классики:

Я книгу взял, восстав от сна,
и прочитал я в ней:
БЫВАЛИ ХУЖЕ ВРЕМЕНА,
НО НЕ БЫЛО ПОДЛЕЙ.

Спасибо вам, Леночка, что вы пришли ко мне в гости – разделить печаль и ТОСКУ по златоусту Генину. И вместе улыбнуться. Спасибо.

(Фрагмент радиопередачи «Светёлка»
Костромского радио, август 2003 г.)